

И.В. Логвинова
Г.В. СВИРИДОВ О Б.Л. ПАСТЕРНАКЕ

Аннотация. В статье анализируется оценка творчества Б. Пастернака в мемуарах Г. Свиридова.

Ключевые слова: русская литература; мемуары; музыка; Б. Пастернак; Г. Свиридов.

Logvinova I.V. G.V. Sviridov on B.L. Pasternak

Summary. The article analyzes the assessment of B. Pasternak's work in the memoirs of G. Sviridov.

Keywords: Russian literature; memoirs; music; B. Pasternak; G. Sviridov.

При изучении курса литературы в музыкальном колледже важно устанавливать параллели между творчеством писателей и композиторов, осуществляя при этом межпредметные связи. Многие выдающиеся русские композиторы оставили мемуары, из которых можно почерпнуть их размышления над судьбами русской литературы и культуры в целом. В частности, интересны мемуары Георгия Свиридова, которые могут послужить для студентов примером глубокого интереса к литературе и чуткого читательского восприятия. Композитор как будто поверяет свои литературные впечатления нравственным камертоном, звучащим в его душе, в его сердце и в его пронзительно-русской музыке.

В своих мемуарах (19 тетрадей за 1972–1994 гг.)¹ Г.В. Свиридов рассуждает о классиках и современниках, которые влияли на его творчество, мировоззрение. Студентам-музыкантам это должно быть интересно с профессиональной точки зрения. Каждый из них, пока учится, также читает, испытывает влияние любимых композиторов и т.д. Мемуарная литература, на наш взгляд, более всего способствует выбору своего жизненного и творческого пути, формированию мировоззрения.

Обратим внимание на то, что творчество Пастернака вызывало у Свиридова неприятие. И это объяснимо с точки зрения его жизненной позиции. Например, в записи от 5 марта 1976 г. читаем: «Прочитал стихи поэта Вознесенского, целую книгу. <...> Слюнявая, грязная поэзия, грязная не от страстей (что еще можно объяснить, извинить, понять), а умозрительно, *сознательно грязная*. Мысли – бедные, жалкие, тривиальные, при всем обязательном желании быть оригинальным. Почему-то противен навеки стал Пастернак, тоже грязноватый и умильный»². Он смотрит на творчество Пастернака с патриотической позиции, с позиции отражения в творчестве русского поэта народной судьбы. По Свиридову, если поэт не выражает в своем творчестве судьбу народную, он не может быть таким великим, как Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин. Судьба поэта должна быть неотделима от судеб Родины, в этом его миссия. Тогда он может считаться великим и рассчитывать на всенародную любовь. Пастернак, как мы увидим ниже в одной из заметок Свиридова, выразил в своем творчестве только личные переживания и поэтому не заслужил всенародной любви. Эту мысль можно продолжить, рассматривая творчество современных авторов с точки зрения их единства с народом, выражения в их творчестве духа времени, стремлений народных. В тетради 1978–1983 гг., в записи от 22 июля 1982 г., Свиридов пишет: «Сейчас, в наши дни, в большой моде искусство первой половины XX века, в поэзии – это Пастернак, Ахматова, Цветаева, Гумилев, Мандельштам, прекрасные настоящие поэты, занимающие свое почетное место в русской поэзии, место, которое у них уже нельзя отнять. Они оказывают (вместе с другими) несомненное влияние на современный творческий процесс.

Творчество этих поэтов, в сущности – лирическое самовыражение, личность самого поэта в центре их творческого внимания,

а жизнь – как бы фон, не более чем рисованная городская декорация, видная за спиной актера, произносящего свой монолог...

К сожалению, фигуры великанов русской поэзии: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Блока, Бунина, Есенина, глубоко ощущавших народную жизнь, движение, волнение народной стихии, подчас незаметное и неслышное, и соизмерявших с нею биение своего творческого пульса, как-то отошли в тень³.

В тетради 1977 г. Свиридов пишет: «Маяковский, Пастернак, Ахматова, Цветаева, Гумилев, Мандельштам – поэты “избранного” общества, иногда понимавшие свою “отдельность” от народа, но стремившиеся к внутренней связи с народным (влияние Л. Толстого), а иногда нарочито обособлявшиеся либо в “избранности” отдельной, либо, как Маяковский (сверх-человеки), в “избранности водительской”, как вожди народа, стоящие всегда *выше, подчеркнуто*, избранность не только поэтическая, художественная, но и иная (например, национальная)»⁴.

В тетради 1978–1980 гг. о Пастернаке написано в связи с определением понятия «гений»: «Мысли не мои, почерпнутые из литературы, но верные и благородные. “Гений – не что иное, как редчайший и крупнейший представитель породы обыкновенных, рядовых людей времени, ее бессмертное выражение” <...> Слова Б. Пастернака. Мысль не его, почерпнутая из культуры (Толстой, Блок), но выраженная по-своему (несколько косноязычно), в этом есть маленькое своеобразие»⁵. Об отсутствии чувства языка у Пастернака композитор говорил неоднократно. Ниже будет приведено одно из таких высказываний. При этом чувство языка, свободное владение языком – качества, абсолютно необходимые поэту. Косноязычный поэт чужд народу.

В тетради 1979–1983 гг. он размышляет об особенностях поэзии Пастернака, о том, что для него не существует народа как стихийного носителя религиозного начала, как у Есенина. Рассуждая о смерти Маяковского, Свиридов отмечает, что Пастернак «приветствовал известные слова Ст<алина> о Маяковском, как о лучшем поэте эпохи, сознавая, что эта роль для него самого непосильна, да и неестественна. Амплуа его другое: он никогда не выходил, да и не вышел, за пределы внимания “сливок” советского общества, которые всегда имеются во всякое время, как и в любом другом обществе»⁶. При этом Свиридов замечает, почему Пастернак

не интересовался судьбой русского народа: «Он был здесь в сущности чужой человек, хотя и умилялся простонародным, наблюдая его как подмосковный дачник, видя привилегированных людей пригородного полукрестьянского, полумещанского слоя (см. стих <отворение> “На ранних поездах”). Россию он воспринимал, со своим психическим строением, особенностями души, не как нацию, не как народ, а как литературу, как искусство, как историю, как государство – опосредованно, книжно. Это роднило его с Маяковским, выросшим также (в Грузии) среди другого народа, обладающего другой психикой и другой историей.

Именно этим объясняется глухота обоих к чистому русскому языку, обилие неправильностей, несообразностей, превращение высокого литературного языка в интеллигентский (московско-арбатский!) жаргон...»⁷. Интересно, что, оценивая поэзию Пастернака с точки зрения языка и стиля, Свиридов затрагивает тему очень актуальную для современной литературы. То, о чем он пишет, характерно и для современных поэзии и прозы. Это обеднение языка, попытка подавить национальное самосознание литературы. Свиридов пишет: «Ныне – этот нерусский взгляд на русское, по виду умилительно-симпатичный, но по существу – *чужой*, поверхностный, книжный и враждебно-настороженный, подозрительный, стал очень модным поветрием. Он обильно проник в литературу, размножившись у эпигонов разного возраста. *Популяризацией* его является проза Катаева, поэзия Вознесенского, Ахмадулиной и Евтушенко (– Гангнуса). По виду это – как бы противоположное Авербаху, Л. Лебединскому. А по существу – это мягкая и враждебная, чуждая народу литература. <...> И пробуждения национального сознания они боятся – панически, боятся больше всего на свете»⁸. В этом смысле слова Свиридова нужно понимать так: потеря языка – потеря себя как нации. Возможно, он предвзято оценивает творчество Пастернака. Но если мы перечитаем стихотворения этого поэта, то обнаружим и его сосредоточенность на себе, и особенную лексику, которую Свиридов называет московско-арбатским жаргоном. В этом своеобразии пастернаковской поэзии, ее звучания. При этом мы помним, что начинал поэт вместе с футуристами в группе «Центрифуга», и его первые поэтические опыты были поиском нового стиля, нового языка.

Однако Свиридов ничуть не осуждает Пастернака. В тетради 1980–1983 гг. он пишет: «Я не хочу изрекать истин “окончательных” для кого бы то ни было, я хочу лишь высказать то, что я чувствую.

В судьбе Маяковского или Цветаевой, прекрасных поэтов, отразилась их собственная судьба (судьба “избранных” людей), в судьбе же Есенина отразились миллионы судеб. <...>

Собой были заняты безмерно и Цветаева, и Маяковский, и Пастернак, и Мандельштам, и Северянин⁹. Эти слова нельзя назвать обвинением в адрес указанных поэтов. Это выражение собственной позиции композитора, который всем своим творчеством служил русскому народу и исповедовал православную веру. С этих же позиций он оценивает и роман «Доктор Живаго». В тетради 1989–1990 гг. композитор пишет о «Докторе Живаго», отмечая, что в нем есть не «всеобъемлющие», но «отдельные глубокие» мысли о жизни, о человеке и его предназначении, о времени, о революции¹⁰.

Можно только добавить к характеристике романа то, что на самом деле в нем нет ничего, кроме философских размышлений главного героя о месте человека в мире и в жизни. Однако роман Пастернака уступает менее известному, но написанному в 1930-е годы роману Б. Житкова «Виктор Вавич», который дошел до своего читателя через 70 лет. В. Шубинский называет книгу Б. Житкова последним русским романом: «Чтобы “Виктор Вавич” увидел свет, век должен был закончиться. Книга, набранная в 1941 году, оказалась “неуместной” (Фадееву хватило времени, чтобы в первые месяцы войны, под бомбами, прочитать и забраковать “талантливую книгу”). Набор был рассыпан. Почему “Виктор Вавич” не привлек внимания издателей в дни перестройки, остается загадочным. Может быть, дело именно в несовпадении жанра и фактуры, делающем книгу “чужой” и для любителей Добычина и почитателей Шаламова, и для читателя самого распространенного, “постнабоковского”, эстетского типа, и, с другой стороны, для поклонников Гроссмана и Солженицына. Чтобы прочитать книгу Житкова, надо сделать усилие. Но она того стоит. В конце концов это последний русский роман»¹¹. Б. Житков рисует людей и события, историю; Пастернак – внутренний мир и переживания главного героя на фоне людей и событий, истории.

Таким образом, по записям Г.В. Свиридова о Пастернаке можно судить о творческом кредо композитора и о том, насколько глубоко он изучил и знал русскую культуру. Чтобы сделать такой весомый вклад в эту культуру, какой сделал он, необходимо было много читать, следить за культурными и историческими событиями, размышлять, сопоставлять. Нелюбовь к творчеству Пастернака не означает для Свиридова отрицания его творческих заслуг.

Свиридов ставит Пастернака в ряд выдающихся поэтов своего времени, но не считает великим, поскольку для него слово «великий» созвучно с патриотизмом и служением народу, а не избранной публике. При оценке творчества Пастернака, таким образом, Свиридов исходил из своего видения задач русского искусства: широкого охвата истории, ритма времени, жизни народной во всей ее полноте. Поэтому элитарная, камерная, узкая поэзия была ему не близка. Эти тетрадные записи, как подчеркнул сам Свиридов, не являются попыткой высказывания окончательных суждений о ком бы то ни было. Но они – повод для размышления над поэтическим творчеством и его назначением. Его размышления заставляют задуматься и прояснить для себя понятия народности, стиля, языка, художественной правды. Взгляд Свиридова на русскую литературу, конечно, не может быть принят как однозначно правильный, эталонный, но он может служить отправной точкой для последующих размышлений над творчеством Пастернака. У поэта были свои творческие задачи, свое мировоззрение, которое мы можем принимать или не принимать в нем, любить или не любить его стихи и прозу. Но мы его воспринимаем сквозь призму его отношения к своему времени, к русской культуре. И примером такого восприятия могут служить мемуары Свиридова.

¹ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002. 798 с.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 236.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Там же. С. 210–211.

⁶ Там же. С. 310.

⁷ Там же. С. 310–311.

⁸ Там же. С. 311.

⁹ Там же. С. 332.

¹⁰ Там же. С. 551.

¹¹ *Шубинский В.* О кн. Бориса Житкова «Виктор Вавич» // Октябрь. 2001. № 2.
URL: <https://magazines.gorky.media/october/2001/2/o-kn-borisa-zhitkova-viktor-vavich.html> (дата обращения: 05.09.2020).